

ТРАНСПОЗИЦИЯ ГЕТЕВСКОГО КОНЦЕПТА «ПОКОЙ» У ЛЕРМОНТОВА

«Ночная песнь странника» Гете занимает особое место и в немецкой, и в русской поэтической традиции. Количество переводов (см.: [Финкель: 109-140]) и музыкальных переложений превосходит остальные гетевские тексты. Приведем вторую часть стихотворения “Wandrer's Nachtlied”:

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde,
Warte nur, balde
Ruhest du auch! [Goethes Werke: 99].

Традиционное толкование текста связано с интерпретацией точки зрения автора: «геологический» взгляд на горы (“Über allen Gipfeln ist Ruh“) сменяется взглядом на леса (“in allen Wipfeln“), затем на птиц в лесу (“die Vögelein schweigen im Walde“), и, наконец, появляется человек (“warte nur“), который дан в амбивалентной позиции: либо отдых, либо смерть (“balde ruhest du auch“). Последнее связано с двойным значением в немецком языке глагола “ruhen”: «успокаиваться, отдыхать» и «покоиться» (поэтому ‘ruhen’ часто используется в надгробных надписях)¹. Однако следует обратить внимание на то, что в сильной

---

¹ Ср. русские переводы И. Ф. Анненского и Ю. К. Лекомцева:

1) Над высью горной
Тишь.

позиции начала стихотворения стоит предлог «над» (“über“), т. е. «над вершинами гор», что приводит к резкому расширению пространства. Существенно и то, что вершины у Гете выступают и в прямом, и в метафорическом смысле — как высшая точка счастья, наслаждения.

В период «бури и натиска» употребление слова «вершина» предполагало однозначную ассоциацию: «стремиться к вершине» (hinauf und dahin), «достигать вершины» (erreichen). Таким образом, уже в начале «Ночной песни странника» возникает оппозиция романтическому представлению: стремлению к вершине противопоставляется позиция «над вершиной» — там, где царит покой. Развертывая картину покоя, Гете подчеркивает, что «птицы молчат в лесу», тем самым, исключая составляющую смерти. И человек, который отдохнет «так же» (“auch“), включится в космический ритм (суточный, сезонный и пр.). Получается, что скорая смерть человека здесь исключается. Способом достижения включенности в общий ритм Вселенной является «бодрое ожидание» (“warte nur“), активная позиция человека.

У Лермонтова в «Из Гете (Горные вершины...)» [Лермонтов: 446] покой, сон распространяется на горы («Горные вершины спят во тьме ночной») и охватывает следы человеческой деятельности («не пылит дорога», т.е. никто не едет). Если в «Ночной песне странника» Гете отдых человека подобен от-

---

В листе, уж черной,
Не ощутишь
Ни дуновенья.
В чаще затих полет...
О, подожди!.. Мгновенье —
Тишь и тебя.. возьмет [Анненский: 232].

- 2) Над вершинами гор —
Покой.
И не слышно птичьего хора.
Подожди: скоро
Опочиешь и ты [Лекомцев. Текст хранится в архиве автора].

дыху птиц в лесу, то у Лермонтова человек отдыхает, как лист на дереве: «Не дрожат листья <...> Отдохнешь и ты»). Поэтом здесь затронута одна из важных для него тем — «я (человек) как лист», архетипически восходящая еще к гомеровскому представлению рода человеческого как вечнозеленого дерева. В переложении «Из Гете» у Лермонтова лист приобретает новую характеристику: листья «не дрожат», однако поскольку это происходит в то время, когда «горные вершины спят», следовательно, предполагается и иное состояние. Когда же наступает состояние, противоположное тому, которое актуализируется в стихотворении («Тихие долины / Полны свежей мглой»), тогда дорога «пылит», долины полны жара и зноя, и листья — задрожат, а человек станет подобен листу «дрожащему».

Таким образом, Лермонтов передает «покой» Гете как период *сна* мира и человека, а не как смерть. Дальнейшее развитие этой темы мы наблюдаем в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» [Там же: 488]. Когда говорится: «Спит земля в сиянье голубом», человек ищет «свободы и покоя», то «покой» сначала дается как сон и забвение («Я б хотел забыться и заснуть»), но далее следует уточнение — «не тем холодным сном могилы». При этом первое условие этого животворного сна — пропитывание любовью: «Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел». Именно любовь противостоит состоянию героя в обыденной жизни: «мне так больно и так трудно».

Здесь необходимо вспомнить первую часть «Ночной песни странника» Гете:

Der du von dem Himmel bist,
 Alles Leid und Schmerzen stillest,
 Den, der doppelt elend ist,
 Doppelt mit Erquickung füllest;
 Ach, ich bin des Treibens müde!
 Was soll all die Schmerz und Lust?

Süßer Friede,
Komm, ach komm in meine Brust! [Goethes Werke II: 99].

В известном переводе А. Фета «Ночная песнь путника»:

Ты, что с неба и вполне
Все страданья укрощаешь
И несчастного вдвойне
Вдвое счастьем наполняешь, —

Ах, к чему вся скорбь и радость!
Истомил меня мой путь!
Мира сладость,
Низойди в большую грудь! [Фет: 544].

строка Гете «Süßer Friede» («сладкий покой») передана словом «мир». Фет писал его с i-десятеричным, что ясно передавало значение покоя, которое в современной орфографии делается менее очевидным («мир» может означать, в том числе, и прелести материального мира). Так причуды орфографии приводят к появлению дополнительных и не предусмотренных автором смыслов!

Лермонтов в «Выхожу один я на дорогу...» явно ориентируется на первую часть «Ночной песни странника». У Гете герой призывает сладкий покой на свою страдающую душу: «Komm, ach komm in meine Brust!» и передает этот призыв повелительным наклонением. У Лермонтова также дано состояние страдания: «Что же мне так больно и так трудно?», выход из него — покой — также связан с любовью и сладостью. Однако русский поэт, в отличие от Гете, описывает переход в состояние животного сна через сослагательное наклонение: «Я б хотел забыться и заснуть! <...> Я б желал навеки так заснуть», т. е. такой сон находится за пределами реальности.

В этом условном мире человек находится в центре — он не уподобляется листку, который «оторвался от ветки родимой» [Лермонтов: 487], а к нему *склоняется* дуб: «Надо мной

чтоб вечно зеленея/ Темный дуб склонялся и шумел» [Лермонтов: 488]. В «Горных вершинах...», как и у Гете во второй части «Ночной песни странника», переход в мир покоя осуществляется через ожидание: «Подожди немного, / Отдохнешь и ты» [Лермонтов: 446]. В «Выхожу один я на дорогу...» этот переход происходит через волевое усилие — через изменение модальности существования. Так у Лермонтова возникает состояние «над» — некий эквивалент гетевского «Über allen Gipfeln».

Таким образом, Лермонтов передал весь комплекс смыслов «Ночной песни странника» Гете в двух своих текстах — «Из Гете (Горные вершины...)» и «Выхожу один я на дорогу...». При этом он намечает, как и Гете, движение от романтического “hinauf und dahin”. Однако у Лермонтова дано направление движения — от горного миру к дольному и к человеку, находящемуся в центре поэтического универсума, а у немецкого поэта дан взгляд, равномерно охватывающий и горний, и дольный миры.

Любопытно проследить, как в XX в. Райнер Мария Рильке возвращает в пространство немецкого языка смыслы, когда-то черпавшиеся Лермонтовым из Гете и трансформировавшиеся им, в переводе «Выхожу один я на дорогу...» [Rilke: 406].

У Гете в первой части «Ночной песни странника» состояние души, предшествующее обращению героя с просьбой о покое, описывается выражениями: “der doppelt elend ist” («дважды глубоко несчастен») и “ich bin des Treibens müde!” («уставший от вынужденных действий, спешки»). У Лермонтова аналогичное состояние выражено словами «так больно и так трудно». Рильке передает его следующим образом: “Ach, warum ist mir so schwer zumute” («Почему так тяжело на душе?»). При этом герой Гете обращается за помощью к Тому, Кто «иже еси с небес» (“Der du von dem Himmel bist”), что является парафразой начала молитвы «Отче наш» в немецком варианте Цюрихской Библии: “Unser Vater, der du bist in den Himmeln” (Die Zürcher Bibel, oder Die

Zwinglibibel. Matthäus 6: 7). Обращение поддерживается уточнением, что этот «ты» «излечивает все боли и страдания» (“Alles Leid und Schmerzen stillest”²). Для передачи концепта «покой» используется Friede («мир», «гармония», «безопасность»).

Рильке передает лермонтовское выражение «ищу свободы и покоя» именно через гетевское Friede: “Freiheit soll und Friede mich umfängen”. Повелительное наклонение у Гете (“Komm, ach komm...”) и сослагательное у Лермонтова («Я б хотел...») переданы Рильке как долженствование: “Freiheit *soll* und Friede mich umfängen / Im Vergessen, das der Schlaf verspricht“ («свобода и мир *должны* охватить меня в забвении, обещаемом сном»). Концепт покоя передан Рильке как «живой сон»:

Aber nicht der kalte Schlaf im Grabe.
Schlafen möcht ich *so* jahrhundertlang,
Dass ich alle Kräfte in mir habe
Und in ruhiger Brust des Atems Gang.

При этом появляется сослагательное наклонение („schlafen möchte“), и далее именно в этой модальности даются две характеристики покоя: “Dass mir Tag und Nacht die süße, kühne / Stimme sänge, die aus Liebe steigt“ («день и ночь сладкий необыкновенный голос, который растет, поднимается из любви, пел бы») и “Und ich wüsste, wie die immergrüne / Eiche flüstert, düster hergeneigt“ («и я знал бы, как вечнозеленый темный дуб шепчет, склоняется»). При этом Рильке доводит до предела намеченную в оригинале антропоморфизацию дуба (ср. «темный дуб склонялся»). Duster — прилагательное, обычно относимое к человеку («угрюмый, мрачный»), flüstert — шепчет, т.е. употреблен глагол речи (ср. «шумел» у Лермонтова).

² В другом варианте эта строка звучит следующим образом: “Alle Freud und Schmerzen stillest“ («даешь все радости и излечиваешь все боли»). Гете использовал особенность немецкого глагола stillen, который означает одновременно и «удовлетворять», и «унимать».

Важно подчеркнуть также, что в лермонтовскую картину «свободы и покоя», где «сладкий голос» поет о любви, Рильке добавляет еще одну характеристику голоса — “kühne“, т. е. «необычный», как бы переключаясь с гетевским «голосом с небес» (“von dem Himmel“), который и посылает герою «сладкий покой» (“Süßer Friede”).

Так то, что намечено у Гете в «Ночной песне странника» — обращение к небесному покою, ожидание, которое дает возможность попасть в ритм Вселенной, у Лермонтова развивается в двух текстах — «Из Гете (Горные вершины...)» и, особенно, «Выхожу один я на дорогу...» — в уход в мир ирреального, где царит любовь и вечная жизнь. У Рильке этот идеальный мир еще более «очеловечивается», пропитывается словом.

Литература

Анненский — *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии. Л., 1959 (Б.п., большая серия).

Лермонтов — *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Л., 1979.

Фет — *Фет А.А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1986 (Б.п., большая серия).

Финкель - *Финкель А.М.* «Ночная песня странника» Гете в русских переводах // Московский лингвистический журнал. 2006. Т. 9. № 1.

Goethes Werke — *Goethes Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand.* Stuttgart und Tübingen: J. G. Cotta'sche Buchhandlung, 1827. Bd. 1.

Goethes Werke II — *Goethes Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand.* Stuttgart und Tübingen: J. G. Cotta'sche Buchhandlung, 1827. Bd. 1.

Rilke — *Rilke Rainer Maria.* Michail J. Lermontoff. Strophen // *Rilke Rainer Maria. Werke in drei Bänden / Hrsg. von Horst Nalewski.* Insel-Verlag, 1978. Bd. 2.